

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 37 (3848)

Четверг, 27 марта 1958 г.

Цена 40 коп.

ЭТО—ВОЛЯ НАРОДА

Сегодня в Москве, в Большом Кремлевском дворце, начинает свою работу первая сессия Верховного Совета Союза ССР пятого созыва. Народные избранники, съехавшиеся со всех концов страны, обсудят важнейшие вопросы государственной жизни. Отражая думы народа, его чаяния и волю, депутаты привезли с собой

из сел и городов, колхозов и совхозов много предложений, относящихся к дальнейшему развитию колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций.

Мы печатаем сегодня статью депутата Верховного Совета ССР П. Ангелина.

ЕСТЬ У МЕНЯ знакомый — колхозный бухгалтер. О нем говорят, что это человек сухой, жесткий. Мне тоже казалось, что «дебет» и «кредит» его немного засушили; он принадлежит к числу тех людей, которые привыкли все явления жизни распределять по полочкам, укладывать в определенные схемы.

Но вот недавно он показал мне схему, которая, мне думается, красноречивее самых громких и красивых слов раскрывает суть того, что происходит в советской деревне.

На большом листе бумаги цветными стрелами были изображены мероприятия партии и правительства, направленные на укрепление нашего сельского хозяйства — начиная от создания первых артелей, от борьбы с кулаком, от первых машинно-тракторных станций, к повышению материальной заинтересованности колхозников в результатах их труда, в укреплении колхозов, к улучшению кормовой базы и широкому внедрению кукурузы, к подъему животноводства, к освоению целины и, наконец, к реорганизации машинно-тракторных станций. И все эти стрелы, соединяясь в одно острое, устремлялись к одному — к коммунизму, а он был изображен на схеме в виде красного знамени... И до него уже было совсем близко.

Мне выпало счастье весной 1930 года привести на колхозной земле первую борозду трактором «Фордзон»; все, что изобразил мой знакомый бухгалтер на своей схеме, происходило на моих глазах.

И если подумать, то оказывается, что все эти годы были годами все большего сближения крестьянинов с машиной, годами осуществления великой идеи Ленина.

Вначале казалось, что крестьяне и машины — это противоположные полюсы. Старые трактористы помнят случаи, когда темные, запуганные кулаками и папами крестьяне не соглашались выпускать тракторы в поле, чуть не под колеса ложились, грозились убить тракториста и сжечь его «чертовую машину».

Мне выпало счастье весной 1930 года

привести на колхозной земле первую борозду трактором «Фордзон»; все, что изобразил мой знакомый бухгалтер на своей схеме, происходило на моих глазах.

И если подумать, то оказывается, что все эти годы были годами все большего сближения крестьянинов с машиной, годами осуществления великой идеи Ленина.

В эти дни, когда всем народом обсуждаются вопросы дальнейшего развития колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций, находятся отдельные люди, которые склонны преувеличивать будущее значение МТС для нашего государства, для колхоза. Это и неверно, и глупо. Машинно-тракторные станции сыграли исключительную роль в укреплении колхозного строя. Они были той политической силой, которая объединила крестьян с машиной. Только благодаря МТС колхозы организационно окрепли, добились повышенной урожайности и продуктивности общественного животноводства, создали квалифицированные кадры.

На примере нашей МТС и колхозов, входящих в ее зону, на примере нашей Ставропольской области — промышленной области, награжденной недавно орденом Ленина за успехи в сельском хозяйстве, на примере нашей республики мы видим, как за годы Советской власти и особенно за последние четыре года значительно повысилась урожайность и продуктивность общественного животноводства, создали квалифицированные кадры.

В минувшем году, несмотря на засушливую погоду в южных областях, в целом по нашей республике был собран хороший урожай зерновых. Государство получило от совхозов и колхозов Украины

все, что имело.

Так обстоит дело с машинами. Но это одна сторона вопроса. А есть еще другая, и, пожалуй, не менее важная — люди, кадры.

В наше время есть такие трактористы, как Харлам Васильев, Илья Челпанов, Антон Дмитриев, которые работают на тракторе больше четверти века. Есть и молодые парни, как Иван Челпанов, Степан Коссе, Максим Юрьев, возраст которых меньше производственного стажа их старших товарищей. И молодые, и тем более старые члены бригады — большие специалисты своего дела. Когда в колхоз вольется такой отряда механизаторов, может быть, что колхоз примет решение о закупке тракторов, беседовали о том, каким же оно будет, наша будущая — коммунизм. И все говорили, что при коммунизме труд превратится в первую жизненную потребность каждого человека.

Но для того, чтобы это было так, нужно воспитывать в людях эту жизненную потребность. А у нас недавно стояла проблема, как же одобрить то, что это отразится на всех участках колхозной жизни. Каждый из наших трактористов — это и слесарь, и токарь, и мотомеханик. В колхозе они помогут лучше механизировать все отрасли хозяйства. Да взять хоть то, что в колхозе будет 17 членов нашей бригады, а 16 из них — коммунисты. Увеличится и укрепится партийная организация.

Во время обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» вся наша

Создать книгу очерков о селе

В СОЮЗЕ писателей Белоруссии состоялось открытое парное собрание. Писатели обсуждали решения февральского Пленума ЦК КПСС и тезисы доклада Н. С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

— Писатели Белоруссии, — сказал докладчик П. Ковалев, — всегда шли вместе с партией и народом.

В последние годы у нас создано немало произведений о селе, о его славных тружениках. Однако если сопоставить созданное писателями с тем, что делает наш народ, то выходит, что не наша польза.

Мы все же не послеваем за стремительной поступью жизни. Это особенно очевидно в жанре очерка, который по-прежнему у нас зашорен.

Многие из писателей в

данном всенародном обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева побывали в колхозах республик. Своими впечатлениями о жизни села, о его славных тружениках.

Однако если сопоставить созданное писателями с тем, что делает наш народ, то выходит, что не наша польза.

Мы все же не послеваем за стремительной поступью жизни.

Это особенно очевидно в жанре очерка, который по-прежнему у нас зашорен.

Многие из писателей в

данном всенародном обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева побывали в колхозах республик. Своими впечатлениями о жизни села, о его славных тружениках.

— Обобщив народный опыт, — сказал в своем вы-

ступлении М. Последович, — партия своевременно высказала свои предложения на широкое обсуждение. Все, о чем говорится в тезисах, подсказано самой жизнью.

Как же не одобрить того, что рожено нашей советской действительностью?

Если говорить об изображении сегодняшнего дня колхозной деревни, то надо отметить, что мы не всегда

заглядываем в глубину про-

цессов, о которых говорят.

Писатель Г. Некий загля-

нул в завтращий день де-

ревни, когда встанет во всю ширь вопроса организации в колхозах современного про-

известия о переработке некоторых видов сельскохозяйственного сырья.

Выступавшие говорили о

переустройстве культурной

жизни.

Жизнь подсказывает самые

невероятные повороты при решении той или иной про-

блемы. И не изучая жизнь,

из вторжения в самую глубь ее, нельзя разобраться по-

настоящему во всех процес-

сах, происходящих ныне в

населе, и в городе.

— В дни весеннего сезо-

на месте писателя в поле —

таков наш ответ на решение

партии о дальнейшем раз-

витии колхозного строя, —

заявил В. Кравченко, пред-

ложивший создать книгу

МИНСК (Наш соб. корр.)

Прасковья АНГЕЛИНА,

двойная Герой Социалистического Труда,

депутат Верховного Совета ССР.

МИНСК (Наш соб. корр.)

В издательстве Академии наук СССР выходят сборники «В. И. Ленин и А. М. Горький», подготовленный к пятидесятилетию марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

Сборники содержат переписку В. И. Ленина с А. М. Горьким и другие материалы, характеризующие отношения между В. И. Лениным и А. М. Горьким.

Материалы эти, впервые собранные вместе и дополненные неопубликованными документами, показывают, какую огромную роль сыграл В. И. Ленин в творческой деятельности родоначальника пролетарской литературы.

Никак не печатаются некоторые из материалов, впервые публикуемых в сборнике «В. И. Ленин и А. М. Горький».

A. M. Горький — B. I. Ленину

Телеграмма¹

Для издательства «Всемирная литература» необходимо бумага, каковая имеется у Комиссариата торговли и промышленности. Я неоднократно обращался в Главбум² и Правбум³. Главбум отказал категорически. Правбум выдал разрешение, затем отобрал обратно. Положение критическое, накладные расходы фантастические, разного набора шестьсот листов, дальний набор бессмыслен, нас не включили даже в план общего распределения. Дело, в которое вложено столь много энергии и которое обещает колоссальные результаты, должно погибнуть. Прошу Ваше содействие.

¹ Текст печатается по фотокопии, хранящейся в Государственном музее революции СССР (Москва).

Эта телеграмма была послана 6 марта 1919 г. из Петрограда в два адреса: Председателю Совнаркома В. И. Ленину, члену Президиума ВСНХ Л. Б. Красину.

² Главное управление промышленности.

³ Так называлось районное управление предприятий бумажной промышленности Петроградской области.

B. I. Ленин — L. B. Красину¹

12 марта 1919 г.

Т. Красин!

Мария Федоровна передала мне прилагаемые бумаги. Написано у Грекина неясно. Это такой «Правбум»? Нельзя ли достать копии его разрешения и его «аннулирования»? Кому подчинен «Правбум»? Я должен буду затребовать у него отзыва, а кстати запросить поточнее, на какие книги и брошюры просит «Всемирная литература». Вам Ленин.

¹ Печатается по автографу, хранящемуся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В своем открытии 17 марта 1919 г. л. д. Красин писал: «Упорный отказ Петра отдать бумагу, отступив от своего же утверждения, что употребленная бумага не имеет никакого значения».

**Из письма А. М. Горького
B. I. Ленину¹**

12 марта 1919 г.

Получил Ваше письмо, дорогой В. И.

Уэллс — видимо — уже отправился в Индию, куда он хотел ехать тотчас же по окончании конференции. Я писал ему, чтоб он побывал на Гардинге², — чего он, кажется, и достиг, — а также, чтоб переговорил о помощи голодающим с Комитетом Карнеги³ и Джоном Ронфеллером⁴, — я послал им мое возвращение. Ответа от Уэллса я не имею, но уверен, что мое письмо застало его в Америке, ибо в одной из своих статей он цитировал фразы из моего письма...

Сегодня получил телеграмму из Базеля от «Национальной Пейнтинг»⁵, предлагающую мне получить собранные в Швейцарии деньги, — рекомендовал им перевести деньги в Берлин, комиссия которых отсутствует. Я должен буду затребовать у него отзыва, а идет как-то врознь, не знает, куда послать деньги, — и я спросил его, какую сумму он возвращает.

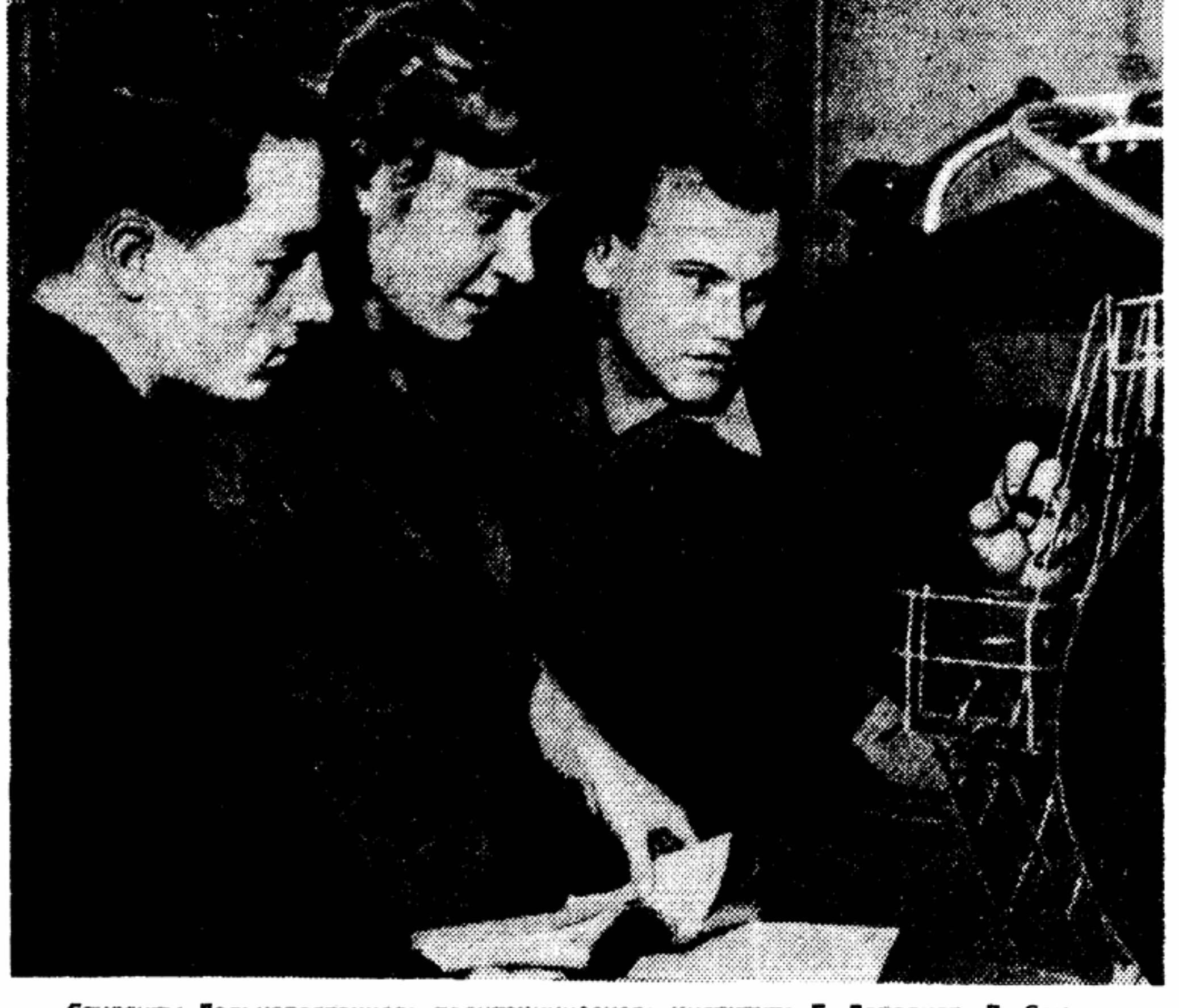
На днях вызывал сюда из Парижа Зиновия Пешкова, так называемого приориального сына моего и родного брата Свердлова, — он выбрал секретарем Международной комиссии помощи и доверил взыскания в этом деле. Сведения, которые он дал мне о ходе сбора денег, очень интересны: городские и сельские коммуны Франции дают деньги весьма щедро и охотно; до 15-го декабря свыше 80 коммун внесли все суммы, назначенные на устройство коммунальных праздников. Немало дают школы, рабочие портов Гавра и Марселя грунтят целый пароход, широко жертвуют богатый ярмарки Франции. Я убеждал Зиновия посыпать деньги возможно скорее для Красину.

Вообщем я делаю все, что могу, имею сведения, что в Бразилии и Аргентине тоже собрано порядочно денег и хлеба, но — вот что: вся эта работа никем и никак не объединена и идет как-то врознь, не знает, куда послать деньги, — хлеб, одежду, обувь и т. д.

Мне кажется, что следовало бы назначить агентов по сбору во всех странах, т. е. не по сбору, а — людей, которые указывали бы куда послать, что покупать и вообще — толкали бы дело, всячески ускоряя отправку хлеба и продуктов в Россию. Я очень рекомендовал на эту роль Мартина Рязанова и еще Мария Игнатьеву Бенкендорфа — женщину очень энергичную, образованную, — говорит на пять языках. Она была графикой, но — мало ли что бывает с людьми, особенно же с женщинами!

На мой взгляд — это следовало бы сделать.

Но, — ходят, — пароходы идут в Россию, — и я не знаю, что это за пар

Студенты Дальневосточного политехнического института Е. Дородин, Л. Семенова и Л. Козлов у макета сечения котельного отделения котобойного судна. Фото А. Ляпина

ВПЕРЕДИ ВСЕХ СТРАН МИРА

Беседа с министром высшего образования СССР В. П. Елютиным

Советский народ по праву гордится достижениями своей отечественной науки и техники, удивляющими весь мир. Эти достижения — плод неустанных заботы Коммунистической партии о развитии образования в стране, о расширении подготовки высококвалифицированных специалистов для всех отраслей экономики и культуры.

Ниже мы публикуем беседу корреспондента «Литературной газеты» с министром высшего образования СССР В. П. Елютиным о подготовке квалифицированных специалистов в Советском Союзе.

СОВЕТСКОЕ социалистическое государство впервые в истории не только провозгласило и не гарантировало своим гражданам право на образование, в том числе и высшее, — говорит министр. — Одним из самых замечательных результатов культурной революции является развитие высшего образования в национальных республиках. На Украине насчитывается 138 вузов, тогда как до революции было только 27. На территории нынешних Белорусской, Литовской, Молдавской, Азербайджанской, Армянской, Казахской, Узбекской, Туркменской, Таджикской, Киргизской союзных республик до революции не было ни одного высшего учебного заведения. Сейчас в этих республиках имеется 152 вуза, в которых обучается около 320 тысяч студентов. Всего же в СССР сейчас 767 высших учебных заведений; в них обучается более двух миллионов студентов. Всего же в СССР сейчас 767 высших учебных заведений; в них обучается более двух миллионов студентов. Всего же в СССР сейчас 767 высших учебных заведений; в них обучается более двух миллионов студентов.

Наши университеты выросли в крупные научно-учебные центры. Если в царской России было всего 13 университетов, в которых обучалось лишь 43 тысячи студентов, то в настоящее время у нас действуют 39 университетов с числом студентов около 200 тысяч.

Большинство успехов добились наше высшая школа в подготовке инженерных кадров. Мы имеем сейчас 200 высших технических учебных заведений с 786 тысячами студентов. В 1957 году у нас было выпущено 84 тысячи инженеров. В последующие годы подготовка инженерных кадров еще более расширилась, причем особенно резко возрастет выпуск инженеров по автоматике, телемеханике, радиотехнике, вычислительной технике, точному приборостроению и другим специальностям новой технологии.

Межнациональные связи советской высшей школы, — сказал он, — осуществляются во многих формах. Здесь и книгообмен, и взаимное снабжение учебными материалами, и обмен опытом научной и педагогической работы при помощи командировок на длительный срок преподавателей для работы в высших учебных заведениях другой страны, и более кратковременные взаимные посещения, и обмен студентами. Свыше восемидесяти высших учебных заведений СССР проводят обмен научными трудами, учебной литературой и другими материалами.

Наши университеты выросли в крупные научно-учебные центры. Если в царской России было всего 13 университетов, в которых обучалось лишь 43 тысячи студентов, то в настоящее время у нас действуют 39 университетов с числом студентов около 200 тысяч.

Большинство успехов добились наше высшая школа в подготовке инженерных кадров. Мы имеем сейчас 200 высших технических учебных заведений с 786 тысячами студентов. В 1957 году у нас было выпущено 84 тысячи инженеров. В последующие годы подготовка инженерных кадров еще более расширилась, причем особенно резко возрастет выпуск инженеров по автоматике, телемеханике, радиотехнике, вычислительной технике, точному приборостроению и другим специальностям новой технологии.

Широкий культурный и научный обмен, приобщение одного народа к культурным сокровищам другого особенно важно в связи с тем, что взаимно обогащая их, содействует и повышает свою квалификацию около 15 тысяч студентов и аспирантов примерно из 25 зарубежных стран.

Поистине огромные изменения произошли у нас за годы Советской власти в области высшего сельскохозяйственного образования. Сто сельскохозяйственных вузов полностью удовлетворяют потребности страны в агрономах, зоотехниках, инженерах-механиках, ветеринарных врачах и других специальностях сельского хозяйства.

Особенно важным является обмен студентами. В настоечное время в вузах и научных учреждениях Советского Союза обучаются и повышают свою квалификацию около 15 тысяч студентов и аспирантов примерно из 25 зарубежных стран.

Поистине огромные изменения произошли у нас за годы Советской власти в области высшего сельскохозяйственного образования. Сто сельскохозяйственных вузов полностью удовлетворяют потребности страны в агрономах, зоотехниках, инженерах-механиках, ветеринарных врачах и других специальностях сельского хозяйства.

Большое развитие получило в СССР художественное образование. Число вузов искусств в сравнении с дореволюционным временем увеличилось у нас в семь раз. Среди советских художественных вузов сейчас насчитывается 22 консерватории, 14 театральных институтов, литературный институт, институт кинематографии, архитектурный институт, несколько академий художественных и художественных институтов, институтов прикладной и декоративной промышленности — промышленных училищ.

Нельзя не сказать о развитии вечернего и заочного высшего образования. Заочная и ве-

черная подготовка кадров зародилась в нашей стране в тридцатых годах, когда, осуществляя курс на индустриализацию и коллективизацию, народное хозяйство испытывало особенно острый недостаток в специалистах высшей квалификации. В 1957 году в системе заочного и вечернего образования было подтверждено более 74 500 человек. В 1960 году вузы СССР подготавливают кадры от производства не раньше чем через год.

Чувство молодости, свежести, которое хлынуло из книг и повеслило за собой меня, читателя.

Вот я по улице иду, насмешник и придумщик, и птицы

Разговор с моими друзьями

У ГРУЗИНСКОЙ поэзии богатейшее наследство. Молодому грузину надо быть очень смелым, чтобы писать стихи, — ведь это значит тратиться на вехами своей литературы и богатствами, накопленными живущими ныне грузинскими поэтами старшими поколениями, с которыми соревноваться тоже очень и очень не легкое дело...

Даже страшно кажется — после такого вступления — открывать тоны книжки молодых грузинских поэтов. И тем более радостно убедиться в том, что кое в этих поэтах, родившихся в середине двадцатых годов, то и где-то вокруг 1930 года, уже показали себя достойными этой части — соревноваться с поэтами, которые уже были известны в годы

истории этой части — соревноваться с поэтами, которые уже были известны в годы

— то эти строки в талантливого поэта по душу мне гораздо меньше: «стеленок» предстает, когда он не знает, что он «стеленок», и, боже упаси, гордо не заявляет об этом!

Что может быть более неоднозначно друг от друга, чем молодость и любовь, любовь большая, сильная, чистая? Любить, конечно, — даже очень сильно чисто, — это еще не значит уметь писать об этом.

А мой грузинские друзья хорошо, но-известношь пишут о любви. Истихи — не

стихи о любви вообще, не о какой-то

«литературной любви», а о любви своей, единичной. Поэтому в

стихах нескольких книжек стихов.

Отар Челидзе, Михаил Квилавидзе, Георгий Салуквадзе, Мухарни Мачавариани, Арчил Сулакаури. Их книжки стихов лежат сейчас передо мной...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

По-моему, каждый настоящий поэт должен тревожить, беспокоить читателя, — «напугать» других поэтов, заставить их встремиться, подняться, ревниво, рвануться вперед, не давая опередить себя... И если грузинские поэты, фамилии которых я называю, не знают чисто своего, нового...

Наша большая советская поэзия очень богата молодыми и начинающими поэтами. Но, читая многие стихи молодых и начинающих, часто остаешься равнодушным. Не чувствуя в них молодости, отчуждения «начала», то есть чего-то своего, нового...

Из писем А. М. Горького

(Публикация Архива А. М. Горького)

Ниже публикуются письма из VII тома «Архива А. М. Горького», который в ближайшее время выйдет из печати. Том включает в себя письма Горького писателям, печатавшимся в демократическом издательстве «Знание» и близко примыкавшим к нему — В. Б. Вересаеву, А. С. Сергиевичу, А. П. Куприю, А. Гайдому, А. А. Ахматову и другим. В также письма к И. П. Ладыжникову. Все письма публикуются по подлинникам, хранившимся в Архиве А. М. Горького. Тексты писем и примечания подготовлены научными сотрудниками Архива А. М. Горького Н. Негловым, Ф. Нофельдом, Е. Колядой.

В. В. Вересаеву

Откуда бы, дорогой Викентий Виноградьевич, выскочить той черной кошке, — да еще и «большой», которая «пробежала между нами», как Вам думается? Нет, это у Вас неверное впечатление. Никогда я не испытывал с Вашей стороны в отношении ко мне никаких небрежностей, а тем паче, обид; надеюсь, что и я Вас тоже ничем не обижал, хотя вполне допускаю, что, м. б., бывал небрежен и даже грубоват, — с тем чтобы увидеть. Тут просто так случилось, что мы, идя одним путем, шли далеко, — физически, географически далеко друг от друга и редко встречались, — вот и все. Но я всегда чувствовал в лице Вашем сопутника, кого призывают уважать и за твердость шага, и за неуклонность со своей тропы. И уж разрешите сказать, что моя тропа так же одиночна, как Ваша, и хотя шума я возбуждал, нередко, больше, чем Вы, но, ведь, Вам известно, что шум-то этот дешево стоит, и, право, никогда не оглушал меня. И не путал моих симпатий. К Андрееву, к Бунину я был ближе, чем к Вам, часто видел их, жил с ними, проявляя мои симпатии, чувствовал Вас яснее, чем их. А Сергеева-Ценского никогда, ни раза не видел, но приспособлен уважением и даже восхищением пред ним. Вот тоже человек, который одиночно и искусственно играет на своей великолепной дудочке. Его «Преображение» кажется мне настоящей проповедью и большой книгой.

За Калининова — спасибо². Я его не встречал, только переписывалось. У него очень хорошие задатки, а живется ему адски тяжело. Как всем здесь, впрочем. Но — ему оттого плохо, что в нем есть хорошие, бол. интуиции же других людей потому, что они чувствуют: хорошие в них — изгнаны. Зинайду Гиппиус ужевозможено читать, — это такое жуткое соединение страшноватого с гадельским, что, когда читаешь — зуны ноготь, точко от холода. Недавно она напечатала в газете Милкова фельетон о Д. Соколове — что за гадость! Никогда никто не писал у нас так захлебывающе сладострастной злобой. Куприн братается с обезумевшим Алексеевским и пьет, ничего не делая. Бунин в своей повести «Митина любовь» комментирует «Крейцерову сонату». Б. Зайцев бездарь пишет жития святых. Мой приятель доктор Иван Манухин, талантливый человек, бросив науку, увлекся православием «член приходского совета» вместе с моном земляком Игорем Демидовичем, человеком, который озабочен тем, чтоб повернуть Милкова, как можно круче направо. Все невероятно, болезненно изволнились и творят скандалы, один другого глупее и грече. Недавно, в Праге, Далмат Лутожин осмелился показвать «советскую» литературу, — его загрызли все Ахенальды, Кусковы, Мельнуны. Всё, все чувствования, обратились в ненависть к «большевикам», и, хотя в газетах ежедневно убеждают кого-то: «мы не хотим за Россию», однако же, совершенно ясно, что труслив, мор в России — явления желанные русским людям здесь. Ну, об этом достаточно. Вам, наверное, и без сих новостей не очень весело.

Романа из современной жизни я не пишу, а затеял роман от 80-х годов до 918-го³. Кажется, это будет нечто подобное хронике, а не роман. Очень хочется мне научиться писать хорошо, но — не удается. Огорчается. Написал большую повесть, взял три поколения семьи фабриканта⁴. Не знаю, что вышло. Вообще же я не в себе как-то. Горький мне надоели, требования мои к нему растут, а он, видимо, бессилен удовлетворить их. Должно быть уже поздно, 56 лет.

Читал «В туннеле». Здесь эту книгу хвалили за ее «контерревлюционность», мне она дорога ее внутренней правдой, большим вопросом, который Вы поставили пред людьми так задушевно и мужественно. Хороший Вы человек. Викентий Виноградьевич, у разрешите сказать это. И когда люди Вашего типа выйдут в России, а они ведь должны вымереть и скоро уже — лишатся. Русл значительной части духовной красоты, силы и оригинальности своей. Лишится. И не скоро найдет подобных.

В каком стадии Ваша воспоминания? Это должно быть очень значительно и очень интересно.

Увлекается Пушкиним? А я недавно Фета читал с наслаждением. Пушкина же от меня загородил гробонатель Владислав Ходасевич, он жил со мной когда писал «Поэтическое хозяйство» и каждодневно говорил о своих «открытиях». Если — каждодневно, так и Орфей надеется. Теперь Ходасевич уехал в Париж, пишет в газете Милкова и «задирает» большевиков. Ремесло — простенное для хорошего поэта. Поэт он — хороший, на мой взгляд. Между Бодлером и Верленом.

Ну, вот какое письме пиши Вам написал. А Вы говорите — кошка! Нет, о кошке — неправильно. Я Вашим письмом очень обрадован. Сердечно обрадован и тронут. Крепко жму руку. Бульдоги, здорово, всего доброго! Воронину — пожалуйста.

Желаю бодрости духа.
А. ПЕШКОВ
3.VI.25.
Сorrento

А. М. Горький с внучками на даче в Горках.

А. М. Горький в Октябрьских лагерях. Москва. 1928 год.

Снимки взяты из Центрального государственного архива кинофотодокументов.

К 90-летию со дня рождения А. М. Горького

ЭСТЕТИКА, ИДУЩАЯ В НОГУ С ЖИЗНЬЮ

К ПОСЛЕДНИМ годам жизни А. М. Горького относится особенно много его высказываний по вопросам эстетики. Главным, что объясняло интенсивность эстетических исканий Горького, было стремление раскрыть творческие принципы социалистического реализма.

Открыто и прямо критикуя советских литераторов за ошибки и недостатки в их работе, Горький не уставал подчеркивать, что советская литература — явление принципиально новое, ярко новаторское, что ее художественные открытия, развивающие лучшие традиции искусства прошлого, движут эстетику далеко вперед. Уже первые успехи молодой советской литературы дали основание Горькому выступить в середине 20-х годов против тех людей, которые «по умственной слепоте и духовной малограмматности» своих не могут все еще понять, какое удивительное явление современная наша литература и как надо любить и беречь нашего литератора...» Определение творческого метода нашего искусства уточнило многие критерии, освещено новым светом пути и задачи художественного творчества. Вокруг этого определения и связанной с ним творческой программы не могли не разгореться жаркие схватки и сражения, — Горький принял в этих боях самое активное участие.

В 30-е годы Горький широко поставил вопрос об отличиях нового реализма от реализма старого, «критического», и вопрос об необходимости для нового реализма включать в себя революционную романтику, выражавшую его устремленность вперед, его способность освещать настоящую светом будущего. Суждения Горького на эти темы явно противоречили некоторым утверждавшимся в литературной и эстетической теории представлениям и выводам. Они развивались и углублялись с каждой новой эпохой. Было ошибкой рассматривать этот процесс лишь как постепенное постижение сущности предмета, который сам по себе оставался неизменным. Нет, менялись не только представления о природе искусства, — менялась и сама эта природа. Вместе с развитием жизни развивалось и искусство, приобретая все более широкие возможности и решая все более сложные задачи. Менялись и определения искусства, и его критерии.

Было бы, это самое собой разумеется и не требует доказательств. Но тогда как понять то странное обстоятельство, что в некоторых современных трудах по эстетике мысли их авторов продолжают вращаться вокруг определений в категориях, выработанных сто и более лет назад? Разве рождение социалистического реализма не было таким шагом вперед в художественном развитии человечества, который потребовал углубить, обогатить прежние эстетические представления? Здесь нет возможности подробно останавливаться на этом вопросе. Хочется лишь отметить, что основоположники социалистического реализма Горький настойчиво искал новых путей в решении эстетических проблем. Опираясь на эстетическое наследие прошлого и на руководящие мысли классиков марксизма-ленинизма, Горький стремился эстетически осмысливать опыт искусства социалистического реализма.

Обратим внимание на то, как старался Горький углубить понимание познавательной силы искусства, его места и роли в общем процессе познания. Он считал, что в этом отношении к советским писателям должны быть предъявлены требования гораздо более высокие, чем те, которые можно было бы предъявить к писателям прошлого. Советский писатель, говорил Горький, «должен знать, по возможности всю действительность, во всем разнообразии явлений ее». Он должен знать о том, что происходит в промышленности и в сельском хозяйстве, в культуре и в технике, — ведь все эти области жизни стали общирнейшим делом, результатом созидающего труда миллиардов людей. Советский писатель должен постоянно следить за экспериментальными науками, от них Горький ждал таких открытий, которые способны повлиять на многие стороны жизни. Он считал таким же органическим свойством человека, как стремление к познанию, его стремление к совершенству форм, к тому, чтобы делать все окружающее лучше, красивее, чем оно есть.

В каждом акте труда есть залог превращения его в творчество, в искусство, если труду становится духовной потребностью и наслаждением, если он соединяется с процессом познания мира. Соединяя труд как творчество, Горький требовал отнестись к творчеству, как к труду. Менее всего он видел в искусстве какую-то особенную «сверхработу». Он был вообще против злоупотребления словом «творчество», иронически именуя его «перковским словечком». Он приспичтал простые рабочие слова: «техника», «ремесло», «мастерство». То определение красоты, которое Горький дает в начале статьи «О социалистическом реализме», иные теоретики, пожалуй, откажутся принять научным. Но это очень глубокое, насыщенное новаторское определение, раскрывающее неразрывную связь эстетических чувств человека с процессами труда: «Под красотой понимается такое сочетание различных материалов, — а также звуков, красок, слов, — которое придает созданному — сработанному — человеком-мастеру форму, действующую на чувство и разум как сила, возбуждающая в людях уважение, гордость, радость пред их способностью к творчеству».

О том, как соединились в сознании Горького все отмеченные стороны искусства, мы можем судить по следующим словам его письма к А. С. Сергиевичу: «...образование художника, опиравшееся на широкое знание действительности и дополненное интуитивным стремлением придавать материалу наиболее совершенную форму — дополнять данные возможным и желаемым, — тоже способно «превидеть», т. с. иными словами — искусство социалистического реализма имеет право преувеличивать — «домысливать».

Главным материалом искусства Горький считал человека, его деяния, его внутренний мир. Широкое распространение получило горьковское определение литературы как «литературного направления», которым решали «проблемы, поставленные французской революцией». Выходит, что все борьбы вокруг романтизма и романтики, развернувшиеся в нашу эпоху в связи с решением совсем иных проблем, были основаны на недоразумении, на плохом знании теории литературы. И все это утверждается в порядке защиты историзму и борьбы против холостяков!

Какой это удивительный историзм — историзм, игнорирующий конкретную историю художественной литературы, прежде всего историю советской литературы. Историзм, пытающийся с помощью критерии прошлого, с помощью тех понятий и определений, которые выросли на почве сформированного иного творческого опыта. Когда задумываешься над тем, как мог автор ценных историко-литературных трудов с такой легкостью расправиться с наболевшими и выводами Горького, впитавшими

в себя опыт советского искусства, приходишь к мысли, что здесь сказались бы-

Б. БЯЛИК

дожественных типов. В этом вопросе он также исходил из мысли о внутреннем родстве искусства и науки. Часто, особенно в последние годы своей жизни, он сравнивал художественные типы с научными гипотезами: и те, и другие являются результатом многих наблюдений, и те, и другие заключают в себе «домыслы», догадку о дальнейшем развитии. О такого рода «домыслах» думал Горький, когда наставлял право на эстетике с проникнутыми духом современности и устремленными вперед эстетическими суждениями Горького.

Но, видя сходные черты искусства и науки, Горький видел и их различие. Одним из таких различий, быть может, важнейшим из них, он считал характер воображеня у художника и ученого. Художник должен обладать способностью вообразить себя тем существом, которое он изображает, способностью увидеть это существо изнутри, проникнуть в тайны его душевного мира. Горький писал: «Работники науки, изучая барабан, не учат делать», сам Горький никогда не допускал подобной ошибки. Для него «думать» и «делать» отличались в области искусства две равно важные задачи, относящиеся к самой природе искусства. Он писал: «Всякий знает, что превратить слово в дело гораздо труднее, чем дело в слово». Литератор, работая, одновременно преображает и дело в слово и слово — в дело».

Догадки о том, что искусство включает в себя и познавательную, и трудовую энергию человека, содержались в эстетических трудах классиков немецкой идеалистической философии. Кант помещал искусство как «способность суждения» между «чистым разумом» и «практическим разумом».

Гегель отводил искусству место на высших ступенях развития понятия, в него посредством соседства с «практической идеей».

Но идеализм номинал Канта и Гегеля сделали рациональные выводы из этих догадок.

Ни Кант, ни Гегель, ни даже материалист Фейербах не поднимались до понимания практики как основы всей человеческой жизни, как процесса преобразования действительности народными массами, источниками и критериями понятия. Такое понимание человеческого труда и человеческой практики родилось вместе с марксизмом. И оно пошло за собой важные выводы эстетического порядка.

«Пелое, как оно представляется в голове, как мыслимое целое», — писал Маркс. «Маркс — есть продукт мыслицы головы, которая освояет себе мир единственным способом для обоснования познавательной энергии людей. Ту же мысль высказывал и В. И. Ленин в беседе с А. М. Горьким. (Записи бесед публикуются в этом номере «Литературной газеты».)

Следовало бы еще многое сказать о том, как раскрывал Горький познавательную роль искусства. Но еще важнее другое: он отнюдь не считал, в отличие от многих теоретиков искусства, что художественное творчество относится лишь к сфере познания, что можно охватить всю сущность, сказал: «искусство — одно из выявленных «познавательных энергий» людей. Конечно, это правда, но это лишь часть, не мелкая, не скромная, будучи бескорыстным стяжателем, будучи слабовольным — убедительно изобразить чрезвычайную силу воли». Ту же мысль высказывал и В. И. Ленин в беседе с А. М. Горьким. (Записи бесед публикуются в этом номере «Литературной газеты».)

Следовало бы еще многое сказать о том, как раскрывал Горький познавательную роль искусства в его творчестве, в искусстве и в труде.

Итак, читатель не посетует на нас за обилье цитат: задача статьи — воспроизвести суждения Горького об искусстве в их внутренней связи и попытаться понять скрывающие их общие идеи.

ОБВИНИЯ некоторых критиков в том, что они «учат думать, но не учат делать», сам Горький никогда не допускал подобной ошибки. Для него «думатель» и «делатель» отличались в области искусства две равно важные задачи, относящиеся к самой природе природы. Вся эта полоса внутренней жизни обидали Вам. Роман с Яковом — случайность, случайностям не должно быть места в произведении, которое претендует на широкое, объективное освещение человеческой жизни. Нет случайностей. И знаменитый пример с кирпичом, который, выпадая из карниза, убивает неповинного прохожего — глупый пример. Падение кирпича может быть обосновано плохой работой каменщика, скверным качеством известняка, обилием дождей, размытием кирпича — сотни причин — и скверной архитектурой городских зданий в конце концов. Скверные здания — результат чисто чистой случайности и т. д.

Повторю — для такой большой задачи у Вас, очевидно, нехватило материала. В языке — множеством имен, которые назначены природой. Вся эта полоса внутренней жизни обидали Вам. Роман с Яковом — случайность, случайностям не должно быть места в произведении, которое претендует на широкое, объективное освещение человеческой жизни. Нет случайностей. И знаменитый пример с кирпичом, который, выпадая из карниза, убивает неповинного прохожего — глупый пример. Падение кирпича может быть обосновано плохой работой каменщика, скверным качеством известняка, обилием дождей, размытием кирпича — сотни причин — и скверной архитектурой городских зданий в конце концов. Скверные здания — результат чисто чистой случайности и т. д.

Повторю — для такой большой задачи у Вас, очевидно, нехватило материала. В языке — множеством имен, которые назначены природой. Вся эта полоса внутренней жизни обидали Вам. Роман с Яковом — случайность, случайностям не должно быть места в произведении, которое претендует на широкое, объективное освещение человеческой жизни. Нет случайностей. И знаменитый пример с кирпичом, который, выпадая из карниза, убивает неповинного прохожего — глупый пример. Падение кирпича может быть обосновано плохой работой каменщика, скверным качеством известняка, обилием дождей, размытием кирпича — сотни причин — и скверной архитектурой городских зданий в конце концов. Скверные здания — результат чисто чистой случайности и т. д.

Повторю — для такой большой задачи у Вас, очевидно, нехватило материала. В языке — множеством имен, которые назначены природой. Вся эта полоса внутренней жизни обидали Вам. Роман с Яковом — случайность, случайностям не должно быть места в произведении, которое претендует на широкое, объективное освещение человеческой жизни. Нет случайностей. И знаменитый пример с кирпичом, который, выпадая из карниза, убивает неповинного прохожего — глупый пример. Падение

РАЗДУМЬЯ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

III

«НОВОЕ СЛОВО», которого мир ожидает от Западной Европы, должно коснуться прежде всего проблем разоружения, проблемы сотрудничества и существования двух систем на земном шаре.

Пробуждение наступило, это несомненно. Вот уже Бертран Рассел, философ с мировым именем, мнение которого дорого всем англичанам, настаивает на том, чтобы Великобритания вышла из «заколдованных кругов» вооружений, отказавшись не только от испытаний ядерной бомбы, но и от самой такой бомбы. Крупнейший военный теоретик Линд Гарт высмеивает так называемую «теорию фактора сдерживания», согласно которой Западная Европа должна вооружаться и вооружаться до бесчувствия; «любая форма обороны, могущая привести к ядерной войне», — говорит он, — это просто расточительство.

Кризис даллесовской идеологии в Западной Европе подтверждает и американскую прессу. Рестон пишет в «Нью-Йорк таймс»: «После того, как США в течение жизни почти целого поколения пытались объединить некоммунистические страны в реальном военном экономическом союзе, начинают появляться признаки распада».

Общее недовольство гонкой вооружений, предоставленной ядерного оружия бонской Германии, бесконечной волокитой в отношении совещания на высоком уровне, проявляемое западноевропейцами, беспокоит и огорчает американских политиков. Еще совсем недавно г-н Даллес угрожал своим союзникам «мучительным пересмотром американской внешней политики», предупреждая, что Америкабросит их «на съедение русским», если они привянут хотя малейшие признаки неспособности. Теперь сами западноевропейцы занялись мучительным пересмотром... своей традиционной покорности. Появление, «недало, гнило что-то в даллесовском королевстве», если не кощунственно так перефразировать слова Марделла, одного из героев бессмертной трагедии Гамлета. Западная Европа пытается развеять копмар, закодированный сон, в который удалось ее погрузить заокеанскому чародею.

А проснуться необходио.

Вот уже десять-двенадцать лет западноевропейцы липшины главного — права знать правду. А это влечет грустные следствия: урон терпит не только экономика, обремененная вооружениями, урон несет демократия!

Читая тексты речей, произнесенные в британском парламенте, в национальном собрании Франции, в палате депутатов Бельгии, и дли-и-даешься. Внешне — все, как следует быть. Налицо общепринятая процедура «демократического» обсуждения: один предлагает одно, другой нетто противоположное. Партии «расходятся в мнениях», их газеты упражняются в «полемике», в лихой публицистике...

И все это, оказывается, миниша, бред, звук пустой. За «коснуову», за «фундамент» всего спора взята не действительность, а злостная выдумка, грандиозная ложь, утопия.

Какова может быть цена парламентскому или газетному «спору», если он ведется, например, так: что выгоднее для Западной Европы в момент «нападения русских» — иметь у себя американские базы, ракетные установки, атомное оружие или не иметь ничего этого? Весьма широкие массы и в Англии, и во Франции, и в Бельгии придерживаются сейчас второго мнения (это уже большой свидетель), правительственные чиновники — мнения первого. Но нелегко-то предосылки...

Окончание. Начало см. «Литературную газету» от 18 и 22 марта.

ка у них общая: русские «могут» напасть...

Бакова цена «дискуссии» том, надо ли «умиротворить коммунизм», согласившись на существование «неорусской империи», или, напротив, решительно и с оружием в руках добиваться ее разрушения? Ведь в основу «разогласия» положена одна и та же даллесова фантика о том, что нет будто бы никаких социалистических государств, а есть русские «заснования», вдохновившие Советский Союз хотеть завоевать и Западную Европу...

Дезинформация, которой отправлены западноевропейцы, колоссальная.

Советская «нельзя верить». «Кремль» мечтает о мировом господстве. «Зловещие цели» Москвы не изменились. Ведь все это продолжается мельять по страницам газет ежедневно. Все это продолжается без малейшего изменения. Вице-президент США Никсон в толко что опубликованном сборнике «Советский прогресс и американское предпринимательство» признает «свободный мир», то есть США и Западную Европу, «сохранять свою военную мощь и не быть побежденными коммунистическим миром». «Нью-Йорк таймс» зловеще «предупреждает», что принятие советских предложений о прекращении испытаний ядерных бомб, создания в Европе беззатонной зоны, о ликвидации военных баз в чужих странах поведет к тому, что «Западной Европе будет противостоять подавляющая мощь коммунистических наемных сил». Британский еженедельник «Экономист», решительно враждя против всех миролюбивых требований английской общественности, упрекает даже премьера Макмиллана за «неосторожное» заявление насчет того, что водородные бомбы будут применены. Западом только в том случае, если 200 русских дивизий двинутся через Европу: по глупому «заключению» еженедельника, это послужит «стимулом для коммунистов», которые предпримут теперь «нападение меньшего масштаба». То есть, очевидно, «всего лишь» сотни дивизий...

И все-таки западноевропейцы уже говорят свое собственно, рожденное в разумных словах. Они освобождаются от гипноза, во всяком случае пытаются это сделать. Их уши открыты для правды. Их глаза начинают видеть.

Да и как не видеть, не слышать? Советский Союз и вместе с ним весь социалистический лагерь показывают на деле, что цели людей, строящих коммунизм, светлы, благородны, миролюбивы. Какая опасность может грозить западноевропейцам, если ни один советский деятель, ни одна советская газета никогда не призывают и не призывают в завоеваниях «Советы», «Кремль», «Москва» никогда не говорят западноевропейцам по радио, чтобы они испровергли свой режим, свою правительство. Есть только одна держава, радиостанция которой ежедневно, по многу часов твердит на чистом русском, на чистом польском, на чистом румынском языках, требуя, чтобы русские, поляки, румыны «опомнились», испровергли свою правительство, установили бы у себя капиталистический строй. Вдохнов на советских радиостанций есть, разумеется, постоянные штаты, состоящие из артистов, диеторов, радиотехников, но не предусматривающие таких должностей, как диверсанты, шпион, разведчик с новейшим оружием руках. Только на европейской Западе есть радиостанции с такими странными «штатами»...

Социалистические страны выполняют грандиознейшую программу улучшения материальной и духовной жизни человека. Это и есть единственная программа коммунизма. А капиталистическими странами

ми Западной Европы они хотят жить мирно рядом, сосуществовать, сотрудничать. Зачем требовать реставрации осужденных народов режимов? Ведь это только американским тугодумом понадобилось 16 лет на то, чтобы «принять», что царской России уже нет, а есть Советский Союз. Для них все еще «недостаточно» двести лет жизни свободного, сбросившего колониализм народного Китая, чтобы догадаться, что с этим уже ничего не поделаешь. И оружия на Атлантическому блоку имеют смысл только в том случае, если западноевропейцы, вместе с г-ном Даллесом, намерены с оружием в руках заставить народы Центральной и Восточной Европы отказатьсь от свободы, социализма и демократии!

Эти истины становятся все более очевидными для западноевропейцев сегодня. Они-то думали, что вооружаются (и из-за этого нищают) только в целях «обороны». Они-то думали до самых последних дней, что не кто другой, как Советский Союз, «виноват» в том, что нет международного соглашения о разоружении: ведь СССР отвергает контроль! Но простая истина состоит в том, что контроль... над вооружениями ни в чему иному, как новой гонке вооружений, не весте не может, что Советский Союз стоит за контроль над разоружениями, если обязательства разоружиться, сократить армию и вооружения, уничтожить термоядерные бомбы примут все державы, по крайней мере великие. Советский Союз, стоял, стоит и будет стоять на этой миролюбивой позиции, ясной, честной позиции — разоружиться возможно позже и основательно, и тщательно, со всей строгостью контролировать, как это выполняется.

Удивительны изощрения противников какого бы то ни было разоружения. Покойтесь сейчас американские газеты. Новейшая их выдумка такова. Советский Союз предложил провести совещание глав правительства с очень скромной, но реалистической повесткой дня; главная цель совещания: добиться улучшения обстановки, укрепить взаимное доверие, отдать опасности, угрожающие человечеству. Так нет же, «Запад», то есть США, «идет гораздо дальше»: они будто бы предлагают разрешить на этом же совещании «главную проблему — разоружение! На меньшее они не согласны! Согласные Штаты, оказывается, спят и видят, как бы разоружиться.

А в это время западногерманская газета «Нейе Райн-Цайтунг» публикует в связи с начавшимися в США серьезным экономическим спадом статью, озаглавленную «Америка боится разоружения».

Читаем:

«При сегодняшней ситуации 30—40 миллиардов долларов, которые предусмотрены американским правительством в бюджетах на военные заказы, имеют особое значение для того, чтобы поддерживать огонь в домах и не допускать остановки конвейеров. В настящее время эти соображения определяют американскую политику... Вашингтон будет поптаться на месте и встретить все планы разоружения только огнем».

Таков итог десятилетней гонки вооружений, десятилетней «холодной войны». Это не спасло Америку от миллиардов безработных. Не принесло это пользы и Западной Европе. Напротив, именно за последние девять лет, со временем создания Атлантического сумасшедшего дома, в обстановке «энергичного накаливания сил» Западная Европа непрерывно слабела, нищала, теряла свои позиции. Все это делалось «против коммунизма». А между тем вовсе не загадочный

и сложный

«коммунизм», а вполне реальный конкуренция, Соединенные Штаты Америки, забирая позиции Англии в Азии и на Ближнем Востоке, позиции Франции в этих же районах. Но мифическая угроза «коммунистического нападения» выросла за эти годы перед Францией, Англией, Бельгией, Ганией, а вполне реальная мощь вооруженного до зубов западногерманского реваншизма, теперь ставшего «главным союзником» США в Европе. Г-н Аденаур приносит свою речь, направленную против СССР, против разоружения, против совещания на высоком уровне, уверенный (с гораздо большим основанием, чем могут на это надеяться британские и французские министры), что его «идеи» будут целиком поддержаны в Вашингтоне.

Бесняв все красоты Зильта, молодые люди направились к бургомистру — господину Гейнцу Рейнефарту. Ознакомив его с целью своего приезда, они вызвались помочь в рабочем кабинете Рейнефарта. Бургомистр охотно согласился на лестное предложение, и финансом выдающегося деятеля курорта, облеченному доверием христианско-демократического союза, была запечатлена на плакате.

Серая машина помчалась по дамбе в обратном направлении, увозя ценный материал.

Мы в одном из просмотровых залов киностудии «Дефа». Вместе с режиссером Андре Торндайком, хорошо известным у нас в Союзе по фильму «Это не должно повторяться», мы путешествуем по Зильту и знакомимся с бургомистром Рейнефартом.

— Но..., — говорят нам режиссер, а вслед за ним и диктор, — стоит вспомнить, что гостеприимный господин Рейнефарт не всегда был бургомистром.

Внезапно на экране возникают потрясающие кадры смерти и разрушения, и мы узнаем, что «группенфюрер СС Рейнефарт — испытанный на деле боец, вышедший из рядов старой гвардии Восточной Пруссии, награжденный золотой медалью и орденом «За военные заслуги».

«Санди пиктори» выразила на

этот же страх перед возможностью «сделки» США и СССР.

«Этого заговора крайне опасается г-н Макмиллан», — пишет газета.

Очевидно, западноевропейцам, действительно, надо торопиться с возвращением к самостоятельности во внешней политике, как мудро призывает их лорд Блэкберн. Тогда им не будут синтезировать подобные кошмарные сны. Ведь если Советский Союз, действительно, горячо желает установления самых дружеских, добрососедских отношений с Соединенными Штатами Америки, то это никак не может «угрожать» Западной Европе: именно в случае осуществления этого желания Западная Европа наконец-то перестанет испытывать нестерпимые понуждения из-за океана — вооружайся, вооружайся! И, наоборот, весь опыт столь излюбленной американской политики «холодной войны» показывает, что вести эту «войну» Америка может, только превращая Западную Европу в свою «сферу влияния», в свою вотчину и военный плацдарм.

Десятки высказываний, которые теперь нередко проникают и на страницы западноевропейских газет, еще таинственно лишь пересказывавших катехизис г-на Даллеса, десятки рассуждений, которые удалось выслушать во время откровенных бесед, показывают, что государственный разум, мудрость, накопленный веками опыты живут в Западной Европе. Ей не хватало до сих пор только честной, правдивой информации. Сейчас, пытаюсь знакомиться с истиной, в частности с глубоко миролюбивой политики социалистических государств, лучшие люди Англии, Бельгии, Франции, Италии видят: свобода, процветание, независимость их государства не «зацикливаются», а ущемляются гонкой вооружений, участвуют в военных блоках, политики «с позиций силы». Разоружение и национальный суверенитет идут рядом. Нормальное, самое простое и священное стремление к безопасности (!) выдача Рейнефарта.

Фирмы «Зюльдайчер культурфильм» не существуют — эта надпись была сделана на машине для маскировки. В остальном молодые люди из серии машин не обмануты бургомистром Зильта — они действительно сняли курорт и самого Рейнефарта, но вместе с тем они беспощадно разоблачили бургомистра в ужае. — Они показались мне такими приличными молодыми людьми, — жалуется он Рейнефарту.

Убивали не менее пяти тысяч полков в день. Машин уничтожения работали на полный ход.

Рейнефарт стал палацом Польши. Когда война закончилась, еще таинственно лишь пересказывавших катехизис г-на Даллеса, десятки рассуждений, которые удалось выслушать во время откровенных бесед, показывают, что государственный разум, мудрость, накопленный веками опыты живут в Западной Европе. Ей не хватало до сих пор только честной, правдивой информации. Сейчас, пытаюсь знакомиться с истиной, в частности с глубоко миролюбивой политики социалистических государств, лучшие люди Англии, Бельгии, Франции, Италии видят: свобода, процветание, независимость их государства не «зацикливаются», а ущемляются гонкой вооружений, участвуют в военных блоках, политики «с позиций силы». Разоружение и национальный суверенитет идут рядом. Нормальное, самое простое и священное стремление к безопасности (!) выдача Рейнефарта.

Фирмы «Зюльдайчер культурфильм» не существуют — эта надпись была сделана на машине для маскировки. В остальном молодые люди из серии машин не обмануты бургомистром Зильта — они действительно сняли курорт и самого Рейнефарта, но вместе с тем они беспощадно разоблачили бургомистра в ужае. — Они показались мне такими приличными молодыми людьми, — жалуется он Рейнефарту.

Да, вас, господин бургомистр, военного преступника, скрывшегося от возмездия, сегодня видят тысячи немцев, заполняющих за-

щего поколения, его запросы и интересы. Вот почему А. Г. Горький живо интересовался детским лагерем, а ее отца, и не достатах, и проблемах, и наставлениях детских писателей этих стран. Для многообразного освещения всех этих вопросов журнал мог бы наряду с советскими авторами, перспективы строительства коммунизма в связи с насыщенной потребностями самой жизни.

Важное место в журнале следовало бы уделять и отделу, который можно назвать «Книжное обозрение». Здесь должны помещаться более или менее пространные рецензии на новые детские книги, выпускаемые нашими издательствами, и на новые издания классических произведений детской литературы и на переводы с других языков.

Следующим важным отделом мог бы стать отдел «Проблемы детской литературы». Его задача — освещать узловые проблемы детской литературы, исходя из требований марксистско-ленинской эстетики и педагогики.

Большое место в журнале могли бы занимать и отдел «Из истории детской литературы», который можно назвать «Книжное обозрение». Здесь должны помещаться более или менее пространные рецензии на новые детские книги, выпускаемые нашими издательствами, и на новые издания классических произведений детской литературы и на переводы с других языков.

Следующим важным отделом мог бы стать отдел «Книжное обозрение».

Замечания юных читателей о детских книгах, их пожелания и претензии к писателям могут найти свое место в отделе «Голос юного читателя». Этот отдел, возможно, небольшой по объему, должен в то же время полностью удовлетворять особым вниманием редакции. К сожалению, эта прекрасная идея не нашла пока поддержки.

Кроме того, в журнале «Детская литература» должны быть публикованы рецензии на новые детские книги, выпускаемые нашими издательствами, и на новые издания классических произведений детской литературы и на переводы с других языков.

Создание журнала «Детская литература», которое, несомненно, было бы с удовольствием встречено писателями и педагогами, является новым важным шагом в деле развития советской литературы для детей и юношества.

К этому отделу мог бы присоединиться и отдел «Литературное творчество детей». Сотни тысяч